

ПОЭТ-САМОУЧКА

ПО ПОВОДУ СТИХОТВОРЕНИЙ Е. И. НАЗАРОВА

В обществах, где литература достигла значительной высоты развития, немислимо, чтобы писатели находились в изолированном друг от друга положении. Семья литераторов должна быть сплоченной и объединенной корпорацией. Если в прочих сферах человеческой деятельности взаимопомощь и солидарность являются необходимым условием серьезного развития и прогресса, то в области мысли эта потребность сознается еще сильнее, еще настойчивее — она есть *conditio sine qua non* * успешной деятельности. Мысль эта, однако, как ни очевидна с первого взгляда, далеко еще не вошла в сознание общества — лишь видны только ее слабые проблески.

Мы говорим об организации литературных обществ, об обществе пособия нуждающимся литераторам и тому подобных учреждениях. Польза их не подлежит, разумеется, никаким спорам и возражениям, но надо сознаться, что в этом направлении сделано крайне недостаточно и писателям зачастую приходится развиваться и действовать на собственный риск, без всякой помощи и поддержки, в особенности, если это писатели начинающие. Положение же писателя, не принадлежащего по происхождению и материальным достоинствам к интеллигентному и привилегированному классу, является совершенно беспомощным и ничем не гарантированным от возможности совершенно остаться неизвестным, даже если бы он обладал задатками таланта и глубиной чувств. Задатки природенных способностей могут или вовсе затеряться, или же получить совершенно ненормальное, искверканное направление. Исключения в этом случае бывают очень редкими, а между тем, более чем где-либо, раздавались и раздаются у нас голоса о необходимости интеллигенции прийти на помощь народу. Голоса эти, однако, остаются гласами, вопиющими в пустыне, да и немудрено: в этих призывах часто слышатся или фарисейскилицемерные нотки, или же служение народу понимается крайне узко, обставляется требованиями, непосильными для человека среднего уровня, тогда как часто самое простое, без всякой примеси героических черт и исполнимое дело остается без всякого внимания! Мы полагаем, что представители интеллигенции сослужили бы большую службу народу, если бы принимали близко к сердцу умственные интересы народа, если бы, по крайней мере, сумели направить на истинный путь и способствовать совершенствованию тех проблесков народной мысли, которые сами собой начинают обнаруживаться. Тут нечего отговариваться практической неисполнимостью этой помощи; при известном желании и усердии всегда возможно оказать свою помощь. Как бы ни был глух данный район местности, всегда найдется хотя бы небольшая группа интеллигентных людей, способная не упустить из виду более или менее ярких представителей таланта среди низшего, забытого общества и народа. Это вовсе не значит, что следует во что бы <то> ни стало находить таланты. Всякое дело, переходя известную меру, может стать комичным донкихотством, а его вовсе нежелательно в таком серьезном деле, как помощь интеллектуальному развитию наиболее талантливых людей из народа. Жизненные волны сами собою выносят их на свет божий, и нужно не иметь очей, чтобы не видеть, и ушей, чтобы не слышать, если обойти вниманием это явление.

* Непременное условие (*лат.*).

Однако некоторые из этих затерянных и заброшенных личностей силою своей воли и энергии умеют иногда сами собою пробиваться к свету, сохранить чистоту чувств и известную широту взглядов, несмотря на все неблагоприятные житейские условия, способные другого совершенно погрузить в тину грязи, тьмы и невежества. К числу подобных личностей принадлежит елецкий (Орловской губернии) мещанин Егор Иванович Назаров, небольшое собрание стихотворений которого вышло в свет в текущем году. Нам кажется, что, несмотря на многие серьезные недостатки его произведений, в них встречаешь искренние чувства, довольно отделанную форму стиха и задатки таланта, который, при иных обстоятельствах, мог бы вполне развиться, и немудрено, что имя г. Назарова могло стать известным и почетным.

Спешим оговориться. При оценке стихотворений г. Назарова нужно прилагать совершенно иную мерку, чем при разборе произведений других поэтов, поставленных в совершенно иные условия. Необходимо принять во внимание, что он не имел никакой возможности приблизиться в своих сочинениях к тем требованиям искусства, которые должны быть исполняемы прочими, более счастливыми, служителями муз.

Поэзия г. Назарова обнаруживает только задатки истинного искусства. *Не сам он виною тому*, что задаткам этим не пришлось вполне развиться. Он употреблял для этого все зависящие от него средства. Понятное дело, одни собственные усилия не могли из него выработать настоящего поэта, когда вся его жизнь сложилась самым неблагоприятным образом. А что жизнь его была далеко не из счастливых, то это легко видеть из его же сочинений. Кроме того, мне лично пришлось с ним познакомиться, и я получил, таким образом, возможность убедиться, что в своих стихотворениях Егор Иванович не только не преувеличивал своего положения, а скорее многого не высказал.

Род купцов Назаровых принадлежит к числу известных в г. Ельце и очень состоятельных. Но между Назаровыми есть и люди крайне недостаточные и даже совершенные бедняки. К числу последних принадлежали и члены той семьи, в которой 39 лет тому назад родился Егор Иванович. Сам он не без горечи так описывает свое первое появление на свет и раннюю молодость в стихотворении, которым открывается его книжка:

Родился я в глуши стеной,
В простой и душной хате,
Где вместо мебели резной
Качались палаты...

.....

В мороз ли, в слякоть — нипочем —
Я бегал босоногим,
И, с гор катаясь кубарем,
Не сделался убогим.
Нужду и голод понял я
Едва ль не с колыбели,
Не страшны были для меня
Свирепые метели...

Егор Иванович нигде не учился, не был даже в приходском училище; но природная склонность взяла верх, и он, кое-как выучившись грамоте,

со страстностью набросился на чтение и совершенно случайно успел ознакомиться с некоторыми из лучших русских писателей.

В углу холодного чулана,
Подчас без пищи и без сна,
Читал я Пушкина «Цыганы»
Иль труд святой Карамзина.

Крайне впечатлительная натура мальчика не могла не отозваться на те умственные интересы, которые затрагивались в прочитанных им книгах. К тому же Егор Иванович обладал прекрасной памятью, и он совершенно отдался этим первым благородным порывам молодой души:

И все, что вокруг меня творилось,
В ту пору я позабывал;
Моя душа туда стремилась,
Где век за веком исчезал.
И предо мною воскресали
Времен минувших племена...

Детские годы были лучшими годами Егора Ивановича. Сколько ни приходилось терпеть ему невзгод и лишений, он навсегда сохранил самое светлое воспоминание о своем детстве:

Давно то время миновало,
Но детство милое живет;
Пора, где сердце не страдало,
Во мне до гроба не умрет.

С какою любовью и с каким искренним чувством относился он к тому уголку, где протекли его детские годы! Вот, например, его обращение к реке Сосне:

Люблю тебя, река родная,
От самых юношеских лет;
Отчизну часто покидая,
К тебе я слал в душе привет;
И рисовал воображеньем
Немолчный говор твоих волн,
Когда ты мчишь в своем теченьи
Рыбачье судно или челн.
Твой берег, зеленью одетый,
Где в зной при солнечных лучах
Дитя беспечное, раздетый,
Плескался я в твоих струях...

Недолго, однако, пришлось Егору Ивановичу жить безмятежною жизнью. С ранних лет его определили в мучную лавочку, и с тех пор потянулись для него долгие, беспросветные дни. Судьба бросала его во все стороны нашего обширного отечества.

Я бывал в странах далеких,
Жизни бурюю гоним,
Утопал в снегах глубоких,
Жил под небом голубым...

Г. Назарову приходилось испытать не только нужду и лишения, но и непосильный физический труд: некоторое время он таскал кули, и как странно мне было видеть, что такой слабый, небольшого роста человек был способен на такие испытания! Но обстоятельства складывались иногда еще хуже: задавленный нуждой, Егор Иванович принужден был некоторое время вести винную торговлю, и, представьте себе, читатель, за кабацким прилавком человека, который говорит о себе:

В пору юности прелестной,
Жизни раннею весной,
В мир фантазии чудесной
Уносился я душой.
То витал за облаками,
То стремился в даль степей,
То за синими морями
Жил в толпе богатырей...

Не одни только яркие фантастические картины рисовались его молодому воображению. Он воодушевлялся всеми благородными чувствами, всеми высокими нравственными мотивами:

До сей поры, в несчастьи и в нужде
Искал я истины, святой и непреложной...

И Егор Иванович, действительно, стремился к истине, сохранив в себе свое нравственное достоинство, и никогда не поступался им ради материальных выгод:

Я не родился пресмыкаться
У ног бездушных палачей,
Льстецом презренным изгибаться
Перед толпою богачей...

Несмотря, однако, на благородные задатки характера, он редко испытывал сочувствие и симпатию других лиц, так что не одни только внешние житейские неурядицы, но и нравственное одиночество и заброшенность были его уделом:

В толпе людей я был чужой,
И в шуме света, как в пустыне,
Я шел неведомой тропой
От самой юности доныне.

.....

Вокруг меня мелькали лица,
Я их на память призывал,
Но голос мой, как свод темницы,
Одно лишь эхо издавал.

Нечего и говорить, что на своем жизненном пути он почти вовсе не встречал таких людей, которые бы сочувственно отнеслись к его стремлениям к поэзии и искусству, — большинство, напротив, насмехались над подобными порывами, считая их ребяческими затеями, не ведущими ни к какой цели. Да иначе и не могли относиться к этому люди из той среды, в которой вращался г. Назаров.

Все это, вместе взятое, привело к тому, что его стихотворения носят крайне грустный отпечаток: он с горечью оплакивает свои юношеские меч-

ты, разочарованно смотрит на людей и видит всюду одни лишь темные стороны жизни. Все это, конечно, вполне естественно, и никто не упрекнет его в фальши, когда он говорит:

Рад бы запеть я песню веселую,
Сердце потешить, грусть одолеть;
Нет, все про горе и долю суровую
Как-то невольно приходится петь!

Разбитые идеалы, неосуществленные надежды привели к тому, что поэт в ту пору, когда у других во всей силе проявляется энергичная деятельность, когда еще далеко не исчерпаны «радости жизни», кажется прежде времени утратившим свою молодость. Нет для него впереди радости и счастья, и безысходной скорбью звучит его песня.

Рано, рано жизни холод
В сердце бедное проник,—
По летам я еще молод,
По кудрям давно старик!..

В нашу задачу не входит рецензирование стихотворений г. Назарова, но мы не можем пройти молчанием некоторые пункты. Мы сказали, что стих г. Назарова довольно выработан, но это, конечно, надо понимать относительно. Из приведенных выше цитат читатель может заметить, что стих его гладкий и свободный и не лишен образности; зато у него встречаются часто и некоторые шероховатости, подчас не вполне точные соблюдения размера и даже неправильные выражения. Чтобы не быть голословными, приведем примеры.

Не соблюден размер.

*Рубище ветхое, лицо испитое,
Жертва забот и труда.*

или:

Кто собственной кровью их плен искупил,
Врагу кровожадному главу сокрушил.

или:

Разрушитель общей карты,
Завоеватель француз...

В следующих местах встречаем неправильные и неупотребительные выражения:

- 1) Я стоик был с *издетских лет*
- 2) Видел все, со всем знакомился,
Всюду *дрался* напролом...
- 3) В наш век реальный и практичный
Поэзия есть просто чепуха,
И голос муз, и прелести стиха
Предметы *завали* античной

и т. д. и т. д.

Что касается вообще внутреннего содержания, то поэзия г. Назарова весьма симпатична, хотя есть вещи, которые действуют неприятным образом. Таково, например, его стихотворение «К характеристике евреев»; давно бы пора отрешиться от огульной ненависти к евреям, не следовало бы забывать, что среди них не всегда были только гешефтмахеры и эксплуататоры; такие имена, как Спиноза, Гейне, Мендельсон и др., навсегда останутся украшением рода человеческого.

ЕЛЕЦ. ТОРГОВАЯ УЛИЦА
Открытка. Начало 1900-х годов
Собрание С. В. Красновой, Елец

Впрочем, следует заметить, что г. Назаров, судя по его другим стихотворениям, возвысился до понимания не одного только внешнего величия государства, но по достоинству оценивает многие общественные и нравственные идеалы.

Некоторые стихотворения г. Назарова очень хороши, как, например, «Памяти Надсона», «Встреча Нового года», «Море житейское» и другие. Вот третье из указанных стихотворений целиком:

Море житейское, море глубокое,
Волны свирепые, бури жестокие
Вечно тревожат бездонное море,
Тонут бесследно в нем радость и горе.
Вечно волнуется племя людское,
Войны, пожары, голод, разбои,
Клятвы, обеты в любви неизменной,
Ненависть, злоба, недуг прокаженный,
Стоны и вопли застигнутых роком —
Все заливаётся общим потоком,
Все поглощает бурливое море:
Счастье, надежды, радость и горе.

Вообще, мы повторяем, что сложись иначе обстоятельства, из г. Назарова вышел бы хороший поэт; но ему не было ни откуда помощи и поддержки.

В чем же, однако, спросят нас, могла бы выразиться эта помощь? Ответ на этот вопрос очень прост. Не говоря исключительно о г. Назарове, следует сказать, что интеллигенция могла бы не упускать из виду подобных личностей, вводить их в круг широких, умственных интересов, стараться развивать эстетический вкус и пр. Личное знакомство и советы

также могли бы сыграть здесь значительную роль. Литературная критика также не должна бы проходить молча эти явления и, при разборе подобных сочинений, нельзя ограничиваться одной иронией, что обыкновенно достается в удел им.

«Родина», 1888, № 24, 12 июня, стлб. 630—634. Подпись: Н. Бунин (в инициале —опечатка).

Егор Иванович *Назаров* (1849 (?) — 1900) — елецкий мещанин, участник суриковского кружка поэтов-самоучек, автор двух стихотворных сборников, вышедших под одинаковым названием — «Собрание стихотворений Е. И. Назарова» (М., 1888; Елец, 1889). Статья о нем — первый критический опыт Бунина. Она написана под непосредственным впечатлением его знакомства с Назаровым. Впоследствии, вспоминая о том «страстном интересе вообще к писателям», который владел им в ранней юности, Бунин добавляет: «даже к таким, каким был, например, некто Назаров». И далее рассказывает о своей встрече с ним: «Озерский кабатчик как-то сказал мне, что в Ельце появился „автор“. И я тотчас же поехал в Елец и с восторгом познакомился в базарном трактире с этим Назаровым...» (Собр. соч. 1965—1967, т. 9, стр. 259—260).

Это знакомство имело для Бунина важные последствия. В январе 1889 г. издательница «Орловского вестника» Н. А. Семенова предложила ему, через посредство Назарова, место помощника редактора газеты («Материалы», стр. 18; «Жизнь Бунина», стр. 50). В то же время, также благодаря Назарову, Бунин познакомился с И. А. Белоусовым, который впоследствии ввел его в круг будущих участников «Среды». Когда в конце 1888 г. Белоусов, в ту пору один из самых активных деятелей суриковского кружка, послал Назарову свою первую книгу («Из „Кобзаря“ Тараса Шевченко и украинские мотивы». Киев, 1887), Назаров попросил его выслать еще один экземпляр «для начинающего поэта И. А. Бунина» (Иван Белоусов. Литературная Москва. М., 1929, стр. 62). Просьба была выполнена, и 19 января Бунин благодарил Белоусова за полученную через Назарова книгу (ЦГАЛИ, ф. 66, оп. 1, ед. хр. 534, л. 1). Это письмо положило начало их знакомству и переписке.

Память о Назарове Бунин сохранил надолго — впоследствии он признавался, что этот поэт-самоучка в какой-то степени послужил ему «прототипом Кузьмы» в повести «Дережня» («Жизнь Бунина», стр. 50).

Статья Бунина посвящена первому сборнику Назарова (все стихи, приведенные в ней, цитируются по этому изданию). Вероятно, из бесед с Назаровым почерпнуты те биографические сведения, которые сообщает Бунин; ныне его статья — почти единственный источник биографии этого участника суриковского кружка (краткие сведения о нем см. также в сб.: «И. З. Суриков и поэты-суриковцы». М.—Л., 1966, стр. 349).

Кроме Бунина, появление книги Назарова отметил также рецензент газеты «День», зло высмеявший писателя-самоучку (К. Г о в о р о в. Лилипуты поэзии.— «День». СПб., 1889, № 462, 20 сентября).

МАЛЕНЬКАЯ БЕСЕДА

Предисловие А. С. Логвинова

Эта полемическая статья молодого Бунина содержит резкую критику реакционных воззрений на развитие русской поэзии после Пушкина. Она позволяет отчетливо представить себе литературные позиции Бунина на рубеже 1880-х—1890-х годов, в пору его наибольшего сближения с радикально-демократическими кругами провинциальной интеллигенции в Харькове, а затем в Орле.

Статья была направлена против петербургского журнала «Север», основанного в 1888 г. Вс. С. Соловьевым. В первые три года существования этого «еженедельного литературно-художественного журнала» его редактором был П. П. Гнедич. С начала 1891 г. редактирование журнала взяла на себя издатель¹. Направление «Севера» от этого не изменилось — во все четыре года (1888—1891) оно было реакционно-националистическим, верноподданническим, в духе идей Победоносцева и Каткова. Но содержание журнала в 1891 г. стало несколько иным — за счет уменьшения количества репродукций шедевров живописи была сделана попытка расширить литературный отдел, в частности, был введен отдел критики и библиографии.

Во осуществление обновленной программы журнала во втором номере за 1891 г. и была напечатана (без подписи) статья о новых сборниках стихотворений Я. П. Полонского («Вечерний звон». СПб., 1890) и А. А. Фета («Вечерние огни», вып. 4. М., 1891) — статья, давшая повод для выступления Бунина. Анонимный автор ее намечал следующую